

Крепнут, слава Богу, добрые отношения с Японией. Нельзя не вспоминать и другое время.

Знавал я двух ветеранов, которым довелось завершать Великую Отечественную на востоке. Петров и Сидоров. Не стану рассказывать, как я с ними познакомился, а начну с того, как они познакомились.

Они познакомились на районном призывном пункте, а сдружились в расположении воинской части, где прошли обучение на краткосрочных курсах младших сержантов.

Боевая служба для них началась на территории Австрии в составе отдельного особого батальона войск НКВД. До гитлеровского логова оставалось совсем недалеко, и они писали в письмах домой (Петров — в свою Пихтовку, Сидоров — в свою Сосновку), чтобы ждали фотокарточку, как они сидят на ступенях павшего Рейхстага.

Но получилось иначе. В марте 1945-го, когда со склонов Альп сошёл снег, черешня распустилась в цветении, главные вооружённые силы СССР концентрированно двинулись в решительное наступление, младшие сержанты Петров и Сидоров были вызваны в штаб подразделения, где им был отдан приказ: срочно ехать в Красноярск и там влиться в воинское соединение, получившее на «Красмаше» отремонтированные танки.

Обрадовались Сидоров и Петров, думали, что вернутся на танковой броне и тогда раньше въедут в поганый Берлин. Им было только по восемнадцать лет.

В Красноярске танки расставлялись на железнодорожные платформы, по две штуки на площадку. Эшелон растянулся так, что из теплушки, в которой сидели Петров и Сидоров, не было видно головного вагона. Тепловоз, пришедший ночью, потянул не на запад, а на восток.

Так друзья оказались в горно-степной местности, на границе с Монголией, здесь они под руководством опытных инструкторов овладели тонкостями вождения танка в сложных условиях. Это им, надо сказать, удалось быстро, без напряжения, так как у них, у одного и у другого, имелся мальчишеский опыт работы в колхозе на тракторах как раз в ночное время.

Никто в подразделении не знал, зачем эти изнурительные учебные тренировки в далёкой от фронта местности. Там, на западе, наши передовые части уже вошли в Берлин, отдельные пехотные роты и взводы занимают улицы и кварталы, главная там сила — пехота, а тут тайные, особо секретные учебные изнурительные тренировки на этих самых танках, стрельба по мишеням.

«Зачем?» — задавали друг другу вопрос Петров и Сидоров и при этом оглядывались, так как армейские приказы не обсуждаются, а выполняются.

И однажды всё прояснилось. В каждый танковый экипаж пришло сообщение, что министр иностранных дел Молотов объявил войну Японии, стране, которая держит у наших границ многомиллионные войска, готовые с часу на час наступать. Самураи готовы резать русских.

В тот же час по объявленной тревоге Сидоров и Петров в составе танкового корпуса повели свои машины. Вся бронированная лавина двинулась в сторону Большого Хингана, вершина которого, всегда белая, на этот раз была чёрной, будто каменный уголь.

За преодоленным перевалом открылась болотистая степь. Самоходную тяжёлую артиллерию пришлось взять на прицеп и тянуть через топи. Болота поражали обилием белых журавлей, которые, поднявшись, закрыли крыльями небо.

Корпус вышел туда, куда планировало командование, — в глубокий тыл отборной Квантунской армии.

Младшие сержанты Сидоров и Петров, идущие в передовой пятёрке, увидев оборонительные сооружения, круто

повернули в сторону и, прикрывая друг друга, на большой скорости прошли по вражеским укреплениям, давя окопы и разрушая дзоты. Самураи в плен не сдавались, они предпочитали умереть за императора. Тем временем наши истребители господствовали в воздухе.

В течение дня танковый корпус углубился далеко в тыл врага.

«Солнце всходит на востоке», — повторял бывший детдомовец, политрук капитан Иванов, чей танк сгорел вместе с экипажем.

А поздно ночью, прикрываясь темнотой и дождём, прилетели несколько наших транспортных самолётов, привезли горючее для моторов. Со следующего утра началось усиленное наступление.

Появились «катюши», сопротивление самураев стало меньшим. Самураи впервые встречались с этим грозным русским оружием. Наши танки стали меньше гореть на поле боя.

У Петрова и Сидорова складывалось впечатление, что идёт лавина, наша, наша лавина, и ничто уж не может остановить нас. Самураи, если хотели, то могли умирать за своего императора, а задержать нас уже не могли.

В короткие передышки, на заправках, когда друзьям удавалось подремать, им снился один и тот же жуткий сон: танк подбит, горит, через секунду взорвётся бак, а люк заклинился, не вылезти...

Ветераны говорили, что если тебя убили во сне и убивают не один раз, то наяву не убьют стопроцентно. Каждый раз после такого сновидения невероятным образом обострялось зрение. Обострялось зрение не только глаз, а и всех других органов молодого тела (им ведь было всего по восемнадцать), они видели впереди не только каждый куст багульника, а и каждый стебель травы под кустом, не только вражий окоп, тщательно замаскированный, а и норку убежавшего суслика.

Петров и Сидоров быстро распознали тактику самураев-смертников, которые обвязывались гранатами и бросались на танк. Заметив бегущего навстречу смертника, стреляли по нему на расстоянии.

Группировка войск Красной Армии на момент начала наступления имела серьёзный численный перевес над

противником: только по количеству бойцов перевес был в одну целую шесть десятых раза, по количеству танков — примерно в пять раз, по артиллерии и миномётам — в десять раз, по самолётам — более чем в три раза. Причём техника, состоявшая на вооружении Красной Армии, была более совершенной и мощной.

Соединённые Штаты Америки, воюя с японцами лишь на небольшом островке, тогда потеряли пятьдесят тысяч человек только убитыми. Стратеги подсчитали, что если война продлится ещё месяца три, то потеряет Америка ещё минимум миллион своих солдат и офицеров.

Пришла на помощь советская Красная Армия, и уже через месяц война на востоке завершилась, японская армия на всех фронтах капитулировала. Американские ветераны войны с Японией и сегодня помнят, почему они тогда остались живы, кто их тогда спас. Сохранилась жизнь миллиона американцев! Спасли Петров и Сидоров.

Сами же Петров и Сидоров, демобилизовавшись, работали трактористами в своих небогатых колхозах, обзавелись семьями, вырастили детей и внуков, жили долго.

Скромные памятники-кресты стоят им на сельских кладбищах, одному — в его Пихтовке, другому — в его Сосновке.

Конечно, в прежнем виде ни Еловки, ни Сосновки давно нет, живой народ переселился в город, оставив мёртвых на погостах. Внуки и правнуки приезжают из города раз два в году, поминают, расстелив белые полотенца на траве.

Что же касается памяти политрука Иванова, выросшего в детдоме, сторевшего в танке под Большим Хинганом, не успевшего оставить никого после себя, — остался лишь в архиве энного танкового корпуса Красной Армии, куда он внесён навечно.

Президент Путин в очередной раз собирается в поездку к японскому императору, потомуку отважных самураев (великих патриотов-националистов, нельзя их не уважать), битых Петровым и Сидоровым. В поездку с вопросом об укреплении дружбы и вечного мира, дай-то Бог.

«Солнце всходит на востоке», — говорил капитан Иванов, сторевший в танке.